

V A R I A

БОГАТОВ М. А. (САРАТОВ)

В ОТСУТСТВИИ ПРАЗДНИКА:

онтологические основания экономики Аристотеля и Маркса

анная статья представляет собой значительно сокращенные тезисы одной из лекций, прочитанных автором в январе 2005 г. в рамках курса повышения квалификации работников среднего образования. Именно этим объясняется значительное отсутствие в тексте необходимого при иных обстоятельствах научного аппарата текста. Автор сознательно идет на риск утраты академического уровня изложения ради приближения нижеследующего *текста* к тому, что *звучало* на лекции. В связи с этим данный текст можно рассматривать в качестве эссе.

[Обоснование экономикой]. Экономика остается на сегодняшний день одним из немногих, не утративших пока своих позиций вследствие всевозможных «идеологических крушений» принципом, опираясь на который гуманитарные дисциплины – такие как история, философия, социология и пр., – могут еще выстраивать механизм понимания собственного предмета. Скажем, если уже не имеет смысла столь рьяно отстаивать версию объяснения гражданских войн назревающими перед революционной ситуацией классовыми конфликтами, то, тем не менее, можно попытаться объяснить мотивы и причины их экономической составляющей той или иной эпохи. Мы не будем касаться здесь всех возможных трудностей, перед которыми с неизбежностью окажется такое доверие экономике как принципу понимания в итоге, но остановимся лишь на одном из неприметных аспектов происходящего. Объяснять что-либо (в прошлом, настоящем, будущем времени, на метафизическом уровне) при помощи экономики – это значит предполагать, что если содержание экономики (экономик) в разные времена даже и было различным, то, тем не менее, форма или сам принцип экономиче-

ской жизни всегда оставался тем же самым. Именно эта его тождественность самому себе на протяжении всей истории, можно даже сказать, эта внеисторичность экономических принципов, позволяет помещать рубрику «экономической составляющей» как в исследовании истории Древней Греции, так и в футуристические прогнозы развития мегаполисов.

Далее нам бы хотелось указать на некоторую проблематичность подобного понимания равенства экономических принципов, якобы бытующих на протяжении истории, причем сделать это не с исторических, а с онтологических позиций. В самом деле, как можно исторически усомниться в тождественности экономических принципов самим себе, если любое историческое видение с неизбежностью основывается на этой тождественности?

[Экономика как наука и экономика как предмет]. Итак, мы желаем обратиться к принципам экономики, чтобы, оказавшись на определенной глубине, мы сменили перспективу обычно навязываемого взгляда на другую, и именно через нее нам и должно открыться новое измерение для понимания происходящего вокруг.

Для начала нам необходимо разделить *экономику как науку* и *экономику как объект этой науки*. Мы прекрасно должны себе отдавать отчет, что это совершенно разные вещи. Экономика как наука получила свое название и была изначально дисциплинарно закреплена в качестве *политической экономии*. Эта наука, как известно, получает свое развитие в Англии, и здесь мы можем упомянуть имя Адама Смита (1723–1790) и его работу «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776). Итак, у нас формально обозначена некая дисциплина – политическая экономия. Но здесь мы должны обратить внимание на еще один аспект.

Сегодня, например, на стыке комплекса физических наук все громче заявляет о себе междисциплинарная наука *синергетика*. Эта новая дисциплина призвана упорядочить все, что существует вокруг нас, полагая, что весь мир во всех его областях устроен определенным образом по нескольким основным положениям-законам. Предполагается, что везде эти принципы имеются, нужно только

уметь их вычленивать из той сферы особенного, в которую они вплетены. Так вот, когда синергетика стала утверждаться на академическом уровне, сразу же возникла потребность выявить ее собственную историю – *историю* синергетики. Мы можем условно назвать такой способ создания истории чего-либо историей, создаваемой задним числом. Сразу же заговорили о том, что, оказывается, мы можем встретить синергетические прозрения и положения в работах доскоратиков, Платона и Аристотеля. Дополнительно указываются параллели с восточным мышлением, индийским наследием в философии. Итак, новое начинает переписывать историю под себя. Ситуация аналогична той, в которой в свое время оказалась политическая экономия.

Естественно, этой молодой дисциплине было достаточно легко убедить всех вокруг, что экономика, взятая в качестве объекта новой науки, существовала всегда и везде. Здесь, в качестве убедительности, легко было сослаться на труд Аристотеля “Экономика”, труд по управлению домашним хозяйством. Но в подобной ссылке столько же справедливости, сколько в том, что тот же Аристотель – приверженец синергетики, науки второй половины XX века. *Дело в том, что политическая экономия представляет свой предмет таким образом, что он позволяет ей самой быть наукой.* Но такой экономики – ни науки, ни ее объекта в современном, претендующем на неизменность значении – до XVII века не существовало.

Экономика как объект, изучаемый политической экономией возникает одновременно с последней – в эпоху промышленных революций. Но что же было до этого? Ведь слово действительно древнегреческое. Это слово говорит об управлении домашним хозяйством и об управлении в самом широком смысле этого слова. Вполне был бы адекватен перевод этого слова на английский язык в качестве *management*. Но и здесь мы уже промахиваемся мимо смысла, поскольку само слово «менеджмент» сегодня напрямую ассоциируется с управленческой и экономической действительностью. Круг опять замыкается, но не факт, что этот круг существовал всегда.

Что же нам нужно сделать, чтобы пробиться к принципам экономики? Ведь сама экономика о своих принципах неизбежно и с необходимостью умалчивает. Еще Маркс говорил о том, что капитал, который определяет всю экономическую действительность, действует таким образом, чтобы механизмы его действия оставались скрытыми – как для носителей капитала, так и для тех, кто находится под его игом. Если мы еще вспомним, что по Марксу экономическая действительность – это базис всей общественной действительности, то увидим, что как раз *все, что существует есть лишь до тех пор, пока нам не известен механизм, принцип этого существования*. Позднее Зигмунд Фрейд построит на основании этого положения принцип психоаналитической терапии: пациент болен лишь до тех пор, пока не понимает, что у него за болезнь и каким образом она функционирует.

Итак, предположим, что перед нами всегда – лишь поверхность происходящего в экономической жизни. Мы живем в эпоху техники, и нашей задачей является попытка преодолеть собственными силами автоматизм и механицизм, который вторгся в человеческое существование. Экономика как наука и как дисциплина возникают именно тогда, когда ручной труд в мастерских сменяется на машинный в мануфактурах. Что это: историческая случайность?

Но случайно ли то, что, когда мы сегодня говорим об экономическом процветании или кризисе, и, бросая взгляд в сторону, в область искусства, отмечаем его технизацию и автоматизацию? Вряд ли. Можно сказать, что *эпоха техники как историческая действительность и экономика как объект дисциплины экономики каким-то образом существенно связаны друг с другом*. Наша ближайшая задача – увидеть то основание, на котором и эпоха техники, и экономизация действительности выступят перед нами двумя сторонами одной и той же медали.

[Формальность экономики и абстрагирование в эпоху техники]. Каким образом увидеть это основание? Попробуем подойти к нашей проблеме через определение автоматизма как технического вообще. Когда мы действуем автоматически, мы можем сказать, что

мы действуем *несмотря на*, как бы игнорируя собственное существование того, в отношении чего мы автоматически действуем. Так вот, экономика – это именно такая же отрасль игнорирования того, что входит в ее действительность.

Для пояснения игнорирования, приводящего к автоматизации в отношении с действительностью, обратимся к понятию Маркса «эквивалентная форма товара». Предположим, что у нас есть топор и кусок шерсти, которые на рынке могут быть обменены друг на друга в силу одинаковости их стоимости. Но *это две совершенно разные вещи*. Как же это возможно? Если мы ответим на этот вопрос, то поймем, почему греки *не* были экономистами в нашем смысле слова; почему мы не можем в нашем смысле называть экономистом Аристотеля, несмотря на то, что у него есть труд с таким названием.

Аристотель бы сказал, что у шерсти – своя сущность, а у топора – своя. Сущность – это категория не количественная, а качественная. И именно поэтому сущности не могут быть одинаковыми у разных вещей, поскольку сравнимо лишь количественное. Топор нужен для того, чтобы им рубить деревья, а шерсть – чтобы из нее шить теплую одежду.

Маркс говорит, что существует некая эквивалентная форма товара. Еще не разобравшись с тем, что имеется в виду под этим понятием, мы можем сразу же увидеть, что, если речь идет о *форме*, то нас совершенно не интересует *содержание*. Нам не важно «что», нас интересует «как». Именно эта *форма позволяет нам оперировать вещами*, в то время как содержание заставляет обратиться именно к этой одной вещи, выявляя ее уникальность. Но *в экономической действительности не должно быть ничего уникального*.

Оперирование вещами, при котором игнорируется то, что есть вещи по своей сути (по содержанию) – это первый шаг к *автоматизации* нашего отношения к миру, это первый шаг к эпохе техники. Мы здесь отвлекаемся от тех вещей, которые нас окружают, и смотрим на них под другим углом зрения. Говоря более серьезным языком, отвлекаясь от сущности вещей, мы *абстрагируемся* от них: *мы абстрагируем сущность вещей* и, в то же время, мы *абстрагируем*

собственную сущность, если последнюю понимать как неким образом связанную с вещами.

Так вот, *эпоха техники и эпоха экономической действительности – это эпоха абстракции* в прямом значении слова. Латинское слово *abstrahō* переводится как «уведение в сторону с прямого пути».

Мы сегодня живем в таком мире абстрактного. К примеру, только в нем возможен такой феномен как *мода*. Конечно, на первый взгляд, мода имеет мало отношения как к экономике, так и к технике. Но, если мы посмотрим внимательнее, то увидим, что, во-первых, есть такое стремление: *быть модным*. Во-вторых, мы видим, что в моде, как и в технике, постоянно идет наращивание каких-то незначительных мощностей, которые, в принципе, не являются жизненно необходимыми. Возьмем, к примеру, такое понятие как *дизайн*. *С позиции сущности вещи дизайн ее никак не изменяет*. Дизайн лишь касается того, *как* вещь выглядит, оставляя в стороне (абстрагируя) то, что эта вещь есть. Так вот, сегодня, как ни странно, для нас главным становится дизайн вещи, т.е. именно ее несущественное, абстрагированное от нее, лишь внешне ей принадлежащее. Незначительное для нас подменяет сегодня самое существенное в вещи. Именно в подобном процессе находит свое основание экономика. Попробуем рассмотреть это подробнее.

[Нарушение баланса между формой и содержанием в понимании вещи]. Обратимся к Аристотелю. Характеризуя любую существующую вещь, сущее, мы можем выделить ее **содержание** («что») и **форму** («как»). Как мы уже только что выявили, *экономика находит свое осуществление в области формы («как»)*, ей необходим формальный взгляд на вещи, абстрагированный от их содержательности. Только тогда мы сможем обменивать друг на друга не одинаковые по существу вещи, а это значит – только тогда возможна экономика как экономическая действительность. Экономика зарождается в эпоху революций, когда консерватизм вступает в полемику с либерализмом. Так вот, *консерватизм базируется именно на неабстрактном взгляде на вещи: у всех уже все есть; новое излишне*. Либерализм получил признание, и мы сегодня живем в совершенно

ином мире; точнее, мы видим мир совершенно иначе: мы не можем сказать, что у нас все уже есть. Наоборот, мы отовсюду слышим слова – и готовы к ним присоединиться, – что у нас ничего нет, что нам всегда чего-то не хватает.

Существующий во времена Аристотеля баланс между формой и содержанием за последние триста лет – со времен зарождения эпохи техники, – окончательно сместился на сторону формы. Теперь именно на формальном и абстрактном лежит полный груз действительности, а вопрос о сущности вещи, о ее «что» поднят в небо, будучи списан в ведение никому не нужной философии.

Характеризуя сущность любой вещи, Аристотель выделял четыре критерия, собрав воедино которые, мы высказываем – что есть та или иная вещь. Это *материя, форма, цель (то—ради—чего), начало* [изменения]. В качестве примера Аристотель приводит статую; последовательно у нас выходит: *каменный (1) человек (2), которым любуются (статуя) (3), задуманный и изготовленный скульптором (4)*. Уже по этим четырем критериям мы можем судить о том, где таится возможность перехода к формализации вещей, к экономической действительности технической эпохи. Цель (то—ради—чего) и начало [изменения] есть именно два формальных критерия, по которым мы можем сравнивать именно эту вещь с другой. Если мы посмотрим на эти два критерия с позиций экономической теории, то увидим в цели – *потребителя*, а в начале – *производителя*. Здесь уже таится экономика в современном, а не аристотелевском смысле этого слова. С другой стороны, эта форма сущности вещи не есть та форма, о которой мы говорили выше, поскольку от статуи нельзя отвлечь форму человека, чтобы она по существу не перестала бы при этом быть собой, статуей. Перед нами снова будет комок глины или причудливо отесанная каменная глыба. Все это – простые, элементарные вещи, благодаря которым мы можем ставить сложные вопросы.

Итак, экономика *возникает тогда, когда мы абстрагируем из сущности вещи ее содержание и начинаем форму вещи рассматривать в качестве ее содержания*. Процесс формализации к экономическому по-

ниманию вещей необратим, подтверждением чему служит история. Мы не можем поставить в нарушенном балансе между формой и содержанием вещи знак равенства, а если, все же, мы это захотим сделать, то это будет равенство в одну сторону, в пользу экономики. Назовем эту необратимость *экономизацией истории*. Отсюда мы можем проследить процесс вырождения гуманитарного знания, которое ориентируется на сущность того, что есть: оно остается позади тем больше, чем активнее экономизируется действительность. Любой вопрос о сущности сегодня может быть сведен к римской сентенции *qui prodest?*, однако понятой не по римскому праву, но по нашему экономическому смыслу.

[Понятие эквивалентной формы товара К. Маркса]. Теперь нам необходимо выявить, что такое эквивалентная форма товара. Это вещь, рассмотренная с позиции ее *меновая стоимости*. Как известно, стоимость товара делится на две: меновую и потребительскую. Потребительская стоимость хлеба, например, состоит в том, чтобы его съесть, т.е. использовать его по своей потребности, ради которой этот товар и производился. Когда же мы покупаем, например, золотое украшение, чтобы перепродать его или выменять на что-то другое, определяющее значение для нас имеет не потребительская, но *меновая* стоимость. Возвращаясь к только что рассмотренному, мы можем легко убедиться, что меновая стоимость имеет непосредственное отношение к форме, к абстрагированию от содержания вещи, она и есть собственно экономическое понятие – в отличие от потребительской стоимости. Здесь любопытно отметить, что с позиций человеческой мысли, потребительской стоимостью обладают вещи и для животных, например, мясо для хищника. В то же время меновая стоимость – исключительно человеческий удел. И, с этой позиции, экономика есть исключительно человеческая сфера. Аристотель называл человека «политическим животным», мы же с полным правом можем назвать человека еще и «экономическим животным». Более того, исходя из современных реалий, последнее куда справедливее: мы можем со-

вершенно пассивно относиться к политике, но просто обречены на участие в экономической сфере.

Маркс говорит: «эквивалентная форма товара есть форма его непосредственной обмениваемости на другой товар»¹. На первый взгляд, это чрезвычайно простое определение: мы берем одну вещь и непосредственно обмениваем ее на другую. Но возникает вопрос: как это возможно, если иметь перед глазами еще и содержательный аспект вещи?

Этот вопрос равнозначен вопросу, который ставит Маркс: сколько стоят десять фунтов золота²? Первое, что приходит в голову, это ответить, что десять фунтов золота стоят столько-то денег. Но мы должны учитывать тот момент, что во времена Маркса все денежные единицы, в свою очередь, обеспечивались золотом³. Еще имеет хождение золотая монета. Золото стоит денег, деньги стоят золота – круг замыкается. Поэтому, когда Маркс спрашивает, сколько стоят десять фунтов золота, он указывает нам тем самым на дно экономики, на ее произвольность. В итоге не остается ничего иного, как сказать, что десять фунтов золота стоят столько-то потому, что мы решили, что они столько стоят. Других оснований у этого произвола, кроме нашего решения, не имеется. Мы, можем, ко-

¹ Маркс К. Капитал. М., 1988. Т. 1. С. 65.

² Там же. С. 106: «Эквивалентная форма – деньги, т. е. товара не включает в себе количественного определения величины его стоимости. Если мы знаем, что золото непосредственно обмениваемо на другие товары, то мы еще отнюдь не знаем, сколько стоят, например, десять фунтов золота. Как и всякий товар, золото может выразить величину своей собственной стоимости лишь относительно, лишь в других товарах».

³ Сегодня, как известно, государства отказались от обеспечения денег золотым запасом. Сегодня обеспечение денег одной страны получается из соотношения их с курсом других валют. В этом смысле можно привести замечательное пророчество Маркса: «Если само обращение денег отделяет реальное содержание монеты [т. е. золотую массу ее как вещи] от ее номинального содержания [т. е. ее эквивалентной формы], отделяет ее металлическое бытие от ее функционального бытия, то в нем уже скрыта возможность заменить металлические деньги в их функции монеты знаками из другого материала или простыми символами» (там же. С. 136). Это точно характеризует сегодняшнюю ситуацию, когда имеют хождение «электронные деньги», и, более того, исключительно «электронные товары».

нечно, подвести этот произвол под объективный закон: десять фунтов золота будут стоить столько, сколько стоит труд на них потраченный. Но это опять произвол, в чем Маркс, кстати говоря, не признается.

Товар, взятый в качестве вещи, имеющей не только формальный, но и содержательный аспект, не позволяет обменивать ее на другой товар. Если мы вспомним про экономизацию истории, то можем сказать, что *сегодня все вещи могут быть представлены в качестве товаров*. Более того, *они уже не могут не быть представлены таким образом*.

Советская философия и экономика говорили о том, что этот процесс экономизации истории можно повернуть вспять, приписывая ему при этом место в будущем. Но это – иллюзия. Процесс необратим, чем больше проходит времени, тем меньше содержательности вещей мы видим вокруг. *Любая вещь станет товаром*. Если мы этого еще не наблюдаем, то либо мы чего-то не видим, либо до нее еще, что называется, «руки не дошли».

Пример формального видения мы можем привести следующий. Правда, в нем, речь будет идти не о необратимом превращении вещи в товар, но об обратимом превращении вещи в число. Когда мы хотим научить ребенка счету, и кладем перед ним на стол три яблока, то наша затея удастся только в том случае, если ребенок абстрагируется от того, что перед ним – вкусные яблоки, которые можно съесть. *Он должен отвлечься от потребительской стоимости (содержания), чтобы увидеть меновую* (в данном случае под ней можно понимать не «обмениваемость», но «сравнимость» – это первое, а это – второе и т. д.). Яблоки – это не то, что считают, яблоки – это то, что едят. Именно про это надо забыть. Вещь должна стать носителем невещного – в данном случае числа. Это исключительно формальный процесс. Математика именно поэтому – чистая формальная дисциплина. И экономика тоже. У нее иная степень «чистоты», и мы теперь понимаем почему: потому что здесь абстрагировано *содержание вещи в пользу формы товара*.

Итак, чтобы экономика перешла из разряда теоретических размышлений в сферу действительности, необходимо, чтобы окончательно победил формальный взгляд на мир, чтобы человек научился видеть товары там, где он до этого видел вещи.

Обратимся к Марксу: «Никакой товар не может относиться к самому себе как к эквиваленту, и, следовательно, не может сделать свою собственную наружность выражением собственной стоимости»⁴. Экономическая сфера, таким образом, – это сфера отношений к чему-либо, а не самих вещей. *Экономика – это то, что между вещей, а не сами вещи. Между вещей – это значит абстрагирование от вещей.*

С этой позиции рынок – это тот институт, который берет на себя это абстрагирование: на рынке все вещи превращаются в товары. Точно так же и поведение людей определяется этой экономической формальностью. Мы можем сказать, что этика как область человеческих отношений сегодня становится экономикой. И если Маркс еще определял надстройку культуры над базисом экономической определенности, то сегодняшний мир решает избавиться от этой надстройки вовсе: для чего нужна культура там, где она является вторичной?

Человек не идет простым путем: чем больше он экономизируется, тем меньше в нем от животного. Когда животное хочет есть, оно ищет еду. Когда человек хочет есть, он ищет способ заработать на еду; он отвлекается – абстрагируется – от того, что он хочет (есть) именно тогда, когда ему это более всего необходимо.

Товар лишается трех способов существования вещи, сменяя их на один: действительность. Товар в действительности есть лишь то, что должно быть продано, что продается. И ничего более. Все остальное, что сверх этого – лишь реклама, лишь повод для продажи. И мы даже не можем назвать эту действительность товара его возможностью в том смысле, что у товара есть возможность быть проданным или не быть. Нет, никакой возможности не быть проданным у товара нет. В экономике не действуют плюс и минус

⁴ Маркс К. Капитал. С. 66.

математики, где отрицательное число – тоже число: отсутствие денег – не деньги. Если товар не продается, то это – не товар.

[**Соотношение экономического и эстетического в эпоху техники**]. Итак, экономика нами необходима в прямом смысле слова: мы не можем ее обойти. Но необходима ли она нам? Это, несмотря на кажущуюся простоту, не такой уж и простой вопрос. Это решающий вопрос, в зависимости от ответа на который, мы определяем свою человечность сегодня.

На прошлой лекции у нас шла речь о преодолении мира автоматизма, была поднята тема возвращения человека к самому себе. В качестве решающей силы в этом противостоянии была указана сила искусства. Теперь мы должны посмотреть: как обстоит дело с искусством в связи с экономическим взглядом на мир.

Как мы помним, Хайдеггер говорил о том, что мы можем преодолеть технику через искусство, совершенно не случайным образом связывая надежду на это преодоление с античной Грецией. Сейчас нам стала видна существенная связь технического с экономикой. Соответственно, речь идет о том, что искусство способно каким-то образом вклиниться в этот необратимый процесс экономизации истории – не для того, чтобы его притормозить, но для того, чтобы повернуть его в другом направлении. В каком именно – это непредставимо, поскольку любое планирование и прогнозирование принадлежит как раз к сфере экономики и техники. Просто отметим пока, что искусство таит в себе некую непросчитываемую и неисчислимую возможность трансформации современности. И не более.

Так что такое искусство с точки зрения экономики? Гегель в своих «Лекциях по эстетике» предлагает нашему вниманию следующую схему: **практика – искусство – теория**.

Практическое обращение с вещами предполагает их потребление. То есть, здесь речь идет о содержании вещей, или, как мы уже выяснили, о *потребительской стоимости*. Здесь вещь полностью потребляется.

Теоретическое обращение с вещами предполагает сведение их ко всеобщему, отвлечение от их единичности, абстрагирование к форме. К примеру, когда мы говорим о виде животных, то отдаем себе отчет в том, что нет такого животного, которое было бы видом животных; мы понимаем, что вид существует лишь в каждом конкретном своем представителе. Но тем не менее, мы отвлекаемся от этой конкретности в целях познания/употребления. Ситуация вполне аналогичная примеру с яблоками и числами. То есть, здесь речь идет о *меново́й стоимости*. Здесь вещь как таковая вообще не интересует нас, мы оперируем отношением между вещами, апеллируем к свойствам вещей, и они нас интересуют лишь как носители этих свойств и отношений.

А вот искусство, помещенное между этими двумя способами) отношений с вещами, предстает очень странной вещью. Не помещается ли искусство куда-то в середину между такими полюсами, между которыми, в принципе, ничего среднего быть не может? Мы не можем непосредственно потребить произведение искусства так, как мы носим одежду и вкушаем пищу. Более того, у нас нет необходимой потребности в том, чтобы произведение искусства как таковое было. В то же время, у нас нет и теоретической потребности в том, чтобы произведение искусства было.

К примеру, когда мы читаем роман, можно сказать, что мы его потребляем. Но это иной род потребления, нежели это представлено в практическом обращении с вещами. Мы не съедаем его, не изнашиваем. *Когда мы потребляем произведение искусства, оно остается самим собою.* В то же самое время, мы не сводим произведение искусства ко всеобщему. Хотя, стоит отметить, что, если, например, речь идет о филологической работе, то здесь присутствует теоретическое обращение с искусством. Однако мы не можем назвать такое отношение тем, что востребовано самим искусством. Скорее, речь идет о социальной и культурной заинтересованности в том, чтобы с искусством все больше теоретически обращались. Произведение искусства здесь не раскрывается, рассмотрению подлежат лишь его свойства и отношение его с чем-то другим. Поэтому, можно сказать,

что социальная и культурная заинтересованность должна быть нами отделена от той, в которой заинтересовано само искусство. Интерес, которого требует к себе искусство, мы можем назвать эстетическим интересом.

Произведение искусства, с одной стороны, нами потребляется. Это безусловно так, и это дает место экономическим отношениям в сфере искусства. Но в последнем случае упускается из виду следующее: *произведение искусства может быть нами потреблено лишь тогда, когда мы предоставляем ему возможность остаться самим собою.*

В этом положении мы видим присутствие и теоретического обращения (остаться самим собою) и практического (потребление). Однако, только поверхностный взгляд может предположить, что такое положение получается из простого сложения двух обращений. Нет, здесь речь идет о *совсем ином качестве.*

Когда мы читаем роман и ожидаем там что-то увидеть (т. е. у нас присутствует теоретический и практический интересы), то мы, конечно, можем увидеть в этом случае в нем что угодно, – кроме самого романа. А чтобы он присутствовал сам, нам необходимо отказать от наших собственных ожиданий, дать ему явиться таким, каков он есть. Выходит, что, если мы захотим выразить сущность искусства в экономических терминах, мы получим совершенно неэкономическую закономерность: искусство потребляется именно тогда, когда оно не потребляется. Экономика не допускает таких формулировок: товар всегда есть товар. Поэтому так понятое искусство действительно может составить альтернативу экономическому миру.

Чтобы спасти сущность человека от технизации и экономизации, мы должны смочь отвлечь свой взгляд от мира как рынка, т. е. абстрагироваться от той абстракции, которой, по сути, является экономическое мировоззрение. И именно искусство может помочь нам в этом.

Свидетельством тому служит нравственное становление человека, который становится собой – т. е. человеком, – через обращение к произведению искусства. Здесь человек остается один на

один с миром – посредством формы искусства. Такой мир не может быть миром обмана и хитрости. Все, что есть в мире – есть перед тобой. У произведения искусства в его эстетическом измерении совершенно отсутствует та самая изнанка, о которой мы говорили применительно к экономической действительности, когда капитал действует до тех пор, пока скрыт механизм его действия.

Насколько действительна эта возможность спасения через искусство? Вопрос также непростой, однако все говорит против искусства: насколько оно может быть действительным там, где действительно иное ему, где действительна лишь экономика? И мы видим иную тенденцию: чтобы стать действительным в мире экономики, искусство становится экономическим. Искусство снижает планку: мы называем искусством все, что к нему не относится: искусство одеваться, искусство готовить, искусство потреблять, искусство украшать и т.д. Но, понятно, что такое искусство не может быть нами рассмотрено в качестве альтернативы необратимой экономизации истории.

Проблема снижения планки искусства в эпоху экономизации и технизации во многом схожа с проблемой искусственного интеллекта. Когда в 60-е и 70-е гг. подняли проблему: может ли машина обладать интеллектом, этот вопрос значил одно. Сегодня, этот вопрос мало кого интересует, поскольку изменился сам смысл интеллекта. Конечно же, машина может обладать интеллектом, и, как следствие, появляются такие товары как стиральная машина с режимом интеллектуальной стирки. Но разве об этом спрашивали в середине XX века? Чтобы машина обладала интеллектом, нужно назвать интеллектом механизм калькулятора. Чтобы искусство прижилось в экономической и технической сферах, нужно назвать им всякое практическое и бесполезное умение. Но это – не интеллект, это – не искусство. Прогресс всегда идет за счет отупения своих собственных критериев.

Искусство понимает лишь тот, кто обращен к нему. Но это замкнутый круг: планка завышается тем, кто и так ее поднял до невообразимого уровня. Искусство сегодня существует исключительно за счет такого самоподстегивания, которое не может быть объ-

яснено экономическими терминами. *Искусство никогда не может быть объяснено ими.*

[Постмодернизм и экономика: точки соответствия]. Если учитывать, что культура XX века, именуемая постмодернистской, идет по пути экономизации, все более и более переводя вещи в бытие товарами, то Маркс во многом может быть назван первым постмодернистом. Вообще говоря, три мыслителя XIX–XX вв. чрезвычайно сильно повлияли на становление того, что мы можем назвать постмодерном: это Маркс, Ницше и Фрейд.

Рынок, как формальность в обращении с миром, легко может быть представлен в *символическом* виде. Можно даже сказать, что меновая стоимость вещей – это их символическая стоимость, означающее. В пользу этого понимания говорит только что отмечавшийся нами вопрос о цене золота. Потребительская стоимость с этой позиции, – это означаемое. А если процесс экономизации необратим, то все больше утрачивается связь между означающим и означаемым; исторически на нашу долю остается лишь символическая реальность, которая не имеет больше соотношения с тем, что ею обозначается. Поэтому все существующее вокруг нас может быть представлено в качестве символов. Символов чего? Выходит, что уже ничего; перед нами символы самих себя. Это – чистый произвол знаков, который получает в постмодерне название *симулякра*. Наиболее развитую теорию симулякров мы находим у Жана Бодрийяра.

Такова же ситуация с Фрейдом: он в психологии – то же, что Маркс в экономике. Фрейд указывает на несостоятельность традиционного представления о существовании человеческого **Я** и **Мира**. Все, что до того называлось миром, у Фрейда прячется в структуру Бессознательного. Само Я больше не представляет самостоятельной (субстанциальной) силы – отныне оно само лишь результат процессов Бессознательного и Сверх-Я. Мы не будем сейчас вникать в тонкости психоанализа. Нас интересует то обстоятельство, что само Бессознательное (т. е. прежний Мир) – исключительно символическая реальность. Действительность Мира Фрейдом сменяется на символичность Бессознательного. Т. е., речь идет о точно

такой же формализации, о таком же абстрагировании, с которым мы имели дело при рассмотрении экономизации истории. Товар является символом другого товара; выражение этой его символичности – это эквивалентная форма товара.

Чистота психоанализа как терапевтической процедуры и чистота экономики как науки требуют одного и того же: отказа от содержания, от реальности в пользу формальности, абстракции. Все работают на экономику, но где она сама? А ее нет – *она порождается в этом самообосновывающем всеобщем служении*. Чистый символ, который реальнее и действительнее всех вещей. Господство абстракции. Но если римская абстракция уводила в сторону, то эта абстракция не уводит никуда. Или, точнее, ведет в никуда.

Экономика в своем господстве уже даже не ратует за соблюдение собственных законов. Примеры тому приводит тот же Бодрийяр. Когда, например, сегодня человеку дается отпуск, то вместо того, чтобы отдохнуть от работы, он, наоборот, будучи целиком человеком экономическим, не знает, что называется, «куда себя деть». Отпуск становится двойной работой: надо работать над свободным временем. Раньше время, свободное от работы, – это время, когда ты становишься самим собой. Но кем ты становишься, когда в тебе нет ничего, кроме твоей работы? Несчастливым работником. Экономика сегодня – это отсутствие праздника. Имеется в виду не календарного (формального), под которым можно было бы понимать бездействие, ничегонеделание и пр., но содержательного, существенного праздника. Даже здесь уже – в отсутствии праздника для нас и в присутствии его для греков – скрывается ответ на вопрос: почему Аристотель не был экономистом.

Вот здесь сказывается тотальность экономического господства. Мы обратились к этим принципам для того, чтобы происходящее предстало перед нами еще одной гранью своей действительности. Конечно же, предмет не исчерпан, но и это нам позволяет чуть глубже ставить вопросы и ожидать чуть более существенных ответов.

КУТИНОВА Т. М. (САРАТОВ)

ФАНАГОРИЙСКИЕ КЛЕЙМА ИЗ АНАПСКОГО МУЗЕЯ*

а сегодняшний день общая численность керамических клейм, найденных в Фанагории и ее окрестностях, составляет свыше 3000 экземпляров¹. Значительная часть из них (около 1500 оттисков) хранится в Институте Археологии в Москве, остальные пополнили фонды как столичных, так и периферийных музеев. Так, порядка 1000 клейм, выполненных на амфорах и черепицах, находится в ГМИИ и ГИМе, около сотни – в Эрмитаже. Единичные штампы из Фанагории есть также в Краснодарском и Таманском музеях, и даже в Музее амфор Дома детского и юношеского творчества г. Москвы, созданном А. Абрамовым. Однако из всех периферийных музейных коллекций наиболее значительная выборка, насчитывающая 82 экз., представлена в фондах Анапского музея-заповедника «Горгиппия». Подавляющее большинство этих клейм (72 экз.) было собрано во время разведок в 1992 г. на городище Фанагории археологами-любителями, остальные штампы поступили в музей после инспекции памятника в 1998 г.

В состав анапской выборки входят 62 амфорных и 20 черепичных оттисков.

Амфорные клейма принадлежат основным Средиземноморским и Причерноморским центрам, поставлявшим свою продукцию в Северное Причерноморье на протяжении позднеклассического и эллинистического периодов:

* Работа выполнена в рамках проекта «Керамические клейма Азиатского Боспора» при финансовой поддержке фонда «Киммериды».

¹ *Кутинова Т. М.* Керамические клейма из Фанагории (история формирования коллекции) // *Antiquitas Juventae*. Сборник научных трудов студентов и аспирантов. Саратов, 2005. С. 174.

Фасос	9
Меңда	2
Гераклея	2
Синопа	18
Родос	29
Херсонес	1
Неопределенные центры	1

I. Средиземноморские центры.

Клейма *Фасоса* насчитывают 9 экземпляров, 7 из которых удалось надежно определить хронологически. По-видимому, одним из самых ранних является квадратный анэпиграфный штемпель с головой барана, отнесенный И. Гарланом к группе В его хронологии (390–380-е гг. до н. э.) в качестве «дополнительного» к серии эпонимных безэмблемных оттисков². Однако не исключено, что это клеймо может быть более ранним и датироваться в широких границах V в. до н. э.³

К «раннему» периоду систематического клеймения фасосской тары относятся еще пять оттисков, два из которых – трехстрочные безэмблемные клейма магистратов Леог(---)⁴ и Ктесия⁵, – уверенно датируются концом 90-х – 80-ми гг. IV в. до н. э., а остальные принадлежат различным эпонимам (Аристеиду, Арис(---)), работавшим в промежутке между 370–345 гг. до н. э. Единственное клеймо «позднего» периода – предположительно магистрата Прексиполия – датируется в пределах 70-х гг. III в. до н. э.⁶

² *Garlan Y. Les timbres amphoriques de Thasos. Timbres Protothasien et Thasien anciens. Paris, 1999. Vol. I. № 289.*

³ *Кутунова Т. М. Керамические клейма VI–V вв. до н. э. из раскопок Фанагории // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005. С. 403–404.*

⁴ *Garlan Y. Op. cit. № 156.*

⁵ *Ibid. № 117–138.*

⁶ *Avram A. Histria. Les résultants des fouilles. VIII. Les timbres amphoriques. Thasos. Bucarest, 1996. P. 66.*

Мендейская продукция представлена двумя клеймами, одно из которых оттиснуто штампом с выполненной ретроградно монограммой NI (см. рис. 1–1), а второе представляет собой колечко, довольно часто встречающееся на амфорах этого центра. Такие малоинформативные клейма в настоящее время не поддаются точному хронологическому определению, хотя, по данным С. Ю. Монахова, по крайней мере некоторые из них могут датироваться второй половиной IV в. до н. э.⁷

Клейма **Родоса** составляют самую многочисленную группу выборки. Однако из 29 оттисков точному хронологическому определению поддаются только 12⁸. Остальные из-за плохой сохранности можно датировать лишь приблизительно. Наиболее ранними являются два клейма эпонимов II группы Эвкла и Агесиппа. Последнее выполнено штампом, не встречавшимся ранее в Северном Причерноморье (см. рис. 1–2), но по аналогии со штемпелем того же чиновника, в котором вместо ломаной сигмы стоит лунарная⁹, может датироваться 20-ми гг. III в. до н. э. Пять оттисков III хронологической группы, принадлежащих эпонимам Энесидему, Атанодоту (2 экз.), Калликрату и владелице гончарной мастерской Никагиде, датируются 50–70-ми гг. II в. до н. э.

Единственный штемпель IV группы (сер. II в. до н. э.) был выполнен на амфоре, изготовленной в мастерской фабриканта Питогена. Наконец, V группа представлена четырьмя оттисками магистратов Алексиада (2 экз.), Эсфила и Тимодика, деятельность которых осуществлялась в 30–40-х гг. II в. до н. э.

Неопределенный центр. Одно клеймо выборки, выполненное на ручке амфоры из грубой коричневой глины с небольшой приме-

⁷ Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов, 1999. С. 304–306; *его же*. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М., Саратов, 2003. С. 92–93.

⁸ Finkelsztein G. Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270–108 av. J.-C environ. Oxford, 2001.

⁹ IOSPE. № 478–84.

стью слюды и мелкого песка, не удалось уверенно атрибутировать (см. рис. 1–3).

II. Причерноморские центры.

Большинство **синопских** штемпелей, составляющих третью часть от общего числа амфорных клейм выборки (18 экз.), удалось надежно датировать. Здесь присутствуют оттиски практически всех хронологических групп синопского клеймения¹⁰, за исключением первой. Ко II группе относится 2 экз., принадлежащих астиномам Эпиелпу и Эсхину 2. III хронологическая группа представлена единственным экземпляром магистрата Апатура, а IV группа – 3 экз. клейм астиномов Гестиея, Эсхина 4 и Деметрия, сына Теогнета. Наиболее многочисленной оказалась V хронологическая группа, состоящая из 7 экз. К ней относятся штемпеля Поликтора, сына Деметрия (2 экз.), Гиппона, сына Дионисия (2 экз.), Антипатра, сына Никона, Питохреста, сына Аполлонида, а также оттиск Гераклеида, сына Микрия, выполненный новым штампом (см. рис. 1–4).

Оба **гераклеийских** клейма, представленные в выборке, относятся к периоду магистратского клеймения, охватывающему весь IV в. до н. э.¹¹. Один штемпель, в котором уверенно читается имя магистрата Гераклеида, датируется серединой этого столетия. Второе клеймо оттиснуто неизвестным ранее штампом (см. рис. 1–5). Имя чиновника в нем сбито, однако, по сохранившемуся имени «фабриканта» Атгеса, работавшего при эпонимах III–IV хронологических групп, клеймо может быть датировано в широких пределах второй – третьей четверти IV в. до н. э.

Единственное **херсонесское** клеймо коллекции принадлежит астиному 1Б хронологической группы Теогену (конец IV в. до н. э.)¹². В Фанагории херсонесские оттиски встречаются крайне редко.

¹⁰ *Conovici N.* Les timbres amphoriques. 2. Sinope // *Histria*. Bucarest; P., 1998. Vol. VIII.

¹¹ *Кас В. И.* A New Chronology for the Ceramic Stamps of Heraklea Pontike // *The Cauldron of Ariantas*. Aarhus, 2003.

¹² *Кац В. И.* Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов, 1994. С. 99, № 60.

Таким образом, надежное хронологическое определение получили всего 37 амфорных клейм выборки (60%). Именно плохая сохранность большинства оттисков – явный показатель того, что они долгое время подвергались воздействию погодных условий – является отличительной особенностью коллекции. Хуже всего сохранились родосские штемпели, надписи в которых выполнены в низком рельефе.

Все клейма можно распределить по трем периодам:

К I периоду (рубеж V–IV вв. – 275 г. до н. э.) относятся 15 оттисков: Фасос (7 экз.), Менда (2 экз.), Гераклея (2 экз.), Херсонес (1 экз.), а также синопские штемпеля I–III хронологических групп (3 экз.).

II период (275–190 гг. до н. э.) характеризуется, прежде всего, появлением на северопричерноморских рынках продукции Родоса¹³ и стабильным поступлением синопского импорта вплоть до 190 г. до н. э., когда практика систематического клеймения тары в Синопе прерывается. К этому периоду относятся 7 родосских и 10 синопских оттисков выборки.

На протяжении III периода (II–I вв. до н. э.) в Северное Причерноморье продолжает поступать в первую очередь родосское вино, продукция Книда и Коса, тогда как импорт из других производственных центров практически прекращается. В анапской коллекции присутствует всего 5 родосских штемпелей этого периода.

Таким образом, процентное соотношение между хронологически определенными клеймами первого, второго и третьего периодов составляет 40,5%, 46% и 13,5% соответственно, что не характерно для других «фанагорийских» коллекций – см. табл. 1, где приведены данные за 1936–50 гг.¹⁴, 1985–86 гг.¹⁵ и 2002–03 гг.¹⁶

¹³ Кац В. И. Ревизия хронологии ранних керамических клейм Родоса // АМА. 2002. Вып. 11. С. 160.

¹⁴ Шелов Д. Б. Керамические клейма из раскопок Фанагории // Материалы и исследования по археологии СССР. № 57. М., 1956. С.

раскопок памятника. Две последние выборки приблизительно совпадают, и не только по составу, но и по процентному соотношению представленных в них клейм: штемпели V в. до н. э. составляют порядка 10–12% от общего числа оттисков, а среди клейм позднеклассического и раннеэллинистического периодов преобладают фасосские, синопские, гераклеийские и родосские (по убывающей).

Иной характер носит анапская выборка, где наблюдается явное преобладание штемпелей Родоса над клейменной продукцией других производственных центров. Это и понятно: ведь коллекция формировалась в результате случайных поверхностных сборов с довольно обширной территории, и естественно, что ее костяк составили поздние родосские клейма, залегавшие в более высоких слоях и извлеченные на поверхность во время раскопки или в результате размывания почвы. Иными, сугубо психологически объясняется незначительный процент гераклеийских оттисков в выборке. При просмотре материала, лежащего на поверхности, исследователи обращают внимание, прежде всего на крупные фрагменты черепиц и амфорных ручек, которые, как правило, и подвергались маркированию. Стенки же сосудов просматриваются выборочно. А именно на них оттискивалась основная масса клейм Гераклеи.

Фанагорийская коллекция из Анапы по своему составу схожа, в большей степени, только с выборкой за 1936–50 гг.¹⁵: и в той, и в другой самыми многочисленными группами являются родосские оттиски, которые в процентном отношении значительно превосходят клейма остальных центров. Вторую позицию занимают синопские штемпели, и уж потом – фасосские. Такая схожесть двух выбо-

¹⁵ Каталог клейм из раскопок «Южного города», составленный А. Б. Колесниковым, приложен к отчетам фанагорийской экспедиции за 1985–86 гг. // ИА РАН. Р-1, № 11165.

¹⁶ Раскоп «Верхний город». Экспедиция ИА РАН под руководством В. Д. Кузнецова.

¹⁷ Шелов Д. Б. Указ. соч. С.

рок, вероятно, свидетельствует если не об одинаковых, то, по крайней мере, о близких условиях их формирования. Не исключено, что коллекция, опубликованная Д. Б. Шеловым, пополнялась не только за счет раскопок памятника, но и в результате археологических разведок, активно проводившихся в первые годы систематических раскопок этого памятника.

Черепичные клейма. В нашей коллекции насчитывается 20 штемпелей, выполненных на керамидах. Привозная клейменная черепица представлена единственным экземпляром синопского производства, который принадлежит астиному I хронологической группы Гиситею I, занимавшему должность в середине IV в. до н. э.¹⁸

Остальная черепица (19 экз.) – местного боспорского производства. Чуть больше половины оттисков выполнены уже известными штампами IV–II вв. до н. э.¹⁹, восемь черепичных клейм прочитать не удалось.

Очевидно, что «фанагорийская» выборка из Анапы не может считаться репрезентативной, поскольку, как уже было сказано, она формировалась в результате случайных сборов, хотя при составлении наиболее целостной картины торгово-экономических связей Фанагории необходимо учитывать и ее. Эта коллекция является прекрасным примером того, как опасно делать далеко идущие выводы на основании материалов, полученных исключительно в ходе археологических разведок. Они не только не позволяют уверенно и надежно определить хронологические границы существования памятника, но и могут предоставить неполные и искаженные сведения о его внешнеэкономических и, в какой-то степени, политических связях.

¹⁸ *Conovici N.* Op. cit. P. 24.

¹⁹ См. *Анохин В. А.* История Боспора. Киев, 1999. С. 188 сл. Рис. 61–62, № 49, 102, 131 (2 экз.), 136, 140 (4 экз.), 147, 152.

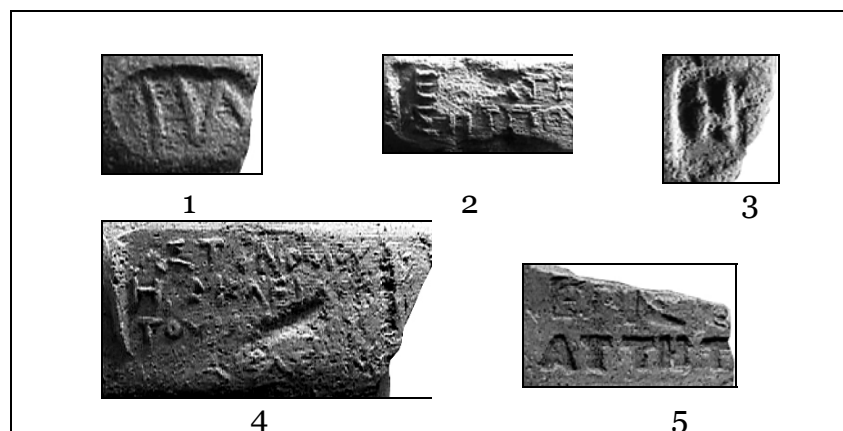

Рис. 1. Клейма, оттиснутые редкими и неизвестными ранее штампами (1 – Менда, 2 – Родос, 3 – неопределенный средиземноморский центр, 4 – Синопа, 5 – Гераклея).

Таблица 1

Амфорные клейма из Фанагории.

Центр производства	Раскопки 1936-50 гг.		Разведки 1992 г., инспекция 1998 г.		Раскопки 1985-86 гг.		Раскопки 2002-03гг.	
	Кол-во экз.	%	Кол-во экз.	%	Кол-во экз.	%	Кол-во экз.	%
Хиос	–	–	–	–	12	5,6	17	9,2
«Протофасос»	–	–	–	–	1	0,5	4	2,1
Лесбос	–	–	–	–	–	–	1	0,5
Самос	–	–	–	–	1	0,5	1	0,5
Фасос	56	10,0	9	14,5	49	22,8	59	32,2
«Круг Фасоса»	–	–	–	–	–	–	1	0,5
Аканф	–	–	–	–	3	1,4	–	–
Менда	–	–	2	3,2	8	3,7	12	6,5
Гераклея	42	7,5	2	3,2	27	12,5	23	12,5
Синопа	64	11,4	18	29	26	12,1	32	17,4
Кос	14	2,5	–	–	4	1,9	1	0,5
Родос	299	53,4	29	46,8	52	24,2	22	12,0
Книд	19	3,4	–	–	8	3,7	1	1,5
Херсонес	3	0,5	1	1,6	2	0,9	2	1,0
Солоха II	–	–	–	–	2	0,9	–	–
Неопределенные центры	63	10,3	1	1,6	20	9,3	7	3,8
Итого	560		62		215		183	